

к 120-летию английского поэта, изданная на языке оригинала и в переводах Е. Лукина, даёт возможность явственно представить истинное поэтическое лицо У. Оуэна, почувствовать глубину его поэтической мысли, насладиться вдумчивой элегической манерой изложения, ассоциативностью образов, талантливо воплощённых в переводах Евгения Лукина.

Евгений Лукин по образованию – учитель истории и обществоведения, окон-

чил Герценовский университет, прославившийся талантливыми выпускниками. Он всегда с благодарностью вспоминает своих учителей, в частности, профессора, доктора искусствоведения Л.М. Мосолову, раскрывшую для него значение философской мысли. Он лично участвовал в боевых действиях в Чечне (1995–1996), поэтому как никто другой понимает значение трагизма войны, отражённого в поэзии Уилфреда Оуэна.

А.А. Мельникова

ОСНОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ: ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ Рецензия

Размышления над тем, что является основой, базисом для той или иной национальной культуры – одно из постоянных направлений культурологического анализа. Все более широкий размах приобретают исследования, в которых специфические черты культуры анализируются через их отражение в языке – целый ряд работ на эту тему вышел в последние годы. Эти работы можно разделить по направлениям.

Одно из активно разрабатываемых направлений – анализ культуры через приращение ей ключевые концепты. К таким работам относятся вышедшие в этом и прошлом году «Константы и переменные русской языковой картины мира» А.А. Зализняк, И.Б. Левонтиной, А.Д. Шмелева (М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.) и «Базовые ценности американской культуры / The Basic Values in American Culture: Privacy» (М.: Флинта, Наука, 2013. – 112 с.). Первая книга – это внушительный анализ значимых концептов сфер эмоциональной жизни и человеческих отношений (радость, любовь, разлука, общение, отношения, чувства, дружба и др.), нравственных ценностей (добро, счастье, справедливость, терпимость), характерных для русской культуры представлений о неконтролируемости хода вещей (довелось, вышло, сложилось, угораздило), речевых действий (льстить, вранье, вздор, остроумие) и т.д. Авторы анализируют, какие именно национально-культурные представления и общие жизненные установки в неявном виде закодированы в значениях данных концептов. Чтение

книги разворачивает широкую и разно-стороннюю картину того, что входит в смысло-жизненные ориентиры русского (российского) менталитета, давая читателю в том числе и представление о том, как меняется содержание, наполняющее значимые концепты, под воздействием культурно-исторической динамики (например, прослеживается изменение оценочного потенциала слов карьера, амбициозный, агрессивный, а также появление нового сочетания «успешный человек», а также анализируется стоящее за этими изменениями трансформация отношения к категории успеха). Не умаляя значимости проведенных исследований, хочется тем не менее отметить, что «Константы и переменные русской языковой картины мира» порождают вопросы, касающиеся того, каков именно алгоритм выделения наиболее значимых концептов. Почему, например, наряду с базовыми для сферы эмоциональной жизни концептами «любовь» и «дружба» анализируется концепт «надрыв» – безусловно, национально-специфичный, но явно не рядоположенный предыдущим.

Во второй книге в центре внимания – только один концепт Privacy, специфика содержательного наполнения которого исследуется на материале взятых из Интернета аутентичных текстов, а также производится разбор особенностей актуализации данного концепта в различных сферах социальной жизни и делается общий вывод о принадлежности данного концепта к числу базовых ценностей американской культуры. Однако, как и

в первом варианте, вопрос касается методологии выделения данного концепта как базового для американской культуры. А также встают сопутствующие вопросы: он – один из многих базовых или единственный, служащий основой для остальной концептосферы (например, для русской культуры А. Вежбицкая выделила три основополагающих – «судьба», «душа» и «тоска» (Wierzbicka A. *Duza* (~ soul), *toska* (~ yearning), *sud'ba* (~ fate): tree key concepts in Russian language and Russian culture / *Metody formalne w opisie jezykow slowianskich*. Warszawa, 1990, с. 23). В этом контексте вполне возможно утверждение и утверждение о Privacy как предельном концепте американской культуры). Помимо этого, можно предположить, что концепт Privacy является значимым не только для американской, но и для английской культуры – так, исследование Т.В. Лариной лингвокультурных традиций англичан и русских указывает на важность для первых личностного, Privacy, что порождает различные коммуникативные стратегии обеспечения личностной автономии. Идентичны ли данные концепты в английской и американской культурах? Идентичны ли места, которые занимают данные концепты в концептосферной иерархии?

Итак, основное напряжение при анализе обеих работ вызывает отсутствие методологического инструментария выделения базовых оснований культуры в ее концептосфере, отсутствие технологии выделения иерархии концептов.

Второе направление – это исследование не словарного состава, а характерных для культуры текстов и дискурсивной практики как первичной базы анализа. Собственно, и текст, и дискурс обращен к диалогости – именно в ней происходит более полное раскрытие особенностей культуры (концепция, восходящая в нашей культурологии к М.М. Бахтину). Среди работ, вышедших в этом и прошлом году: «Языковая личность. От слова к тексту. На материале англоязычного дискурса» (М.: Либроком, 2013. – 248 с.) и «Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация» Т.В. Лариной (М.: Языки славянских культур, 2012. – 358 с.). В первой работе англоязычная культура исследуется на материалах художественных, публицистических, политических и социально-ориентированных текстов. Объем работы небольшой и мы наблюдаем лишь первый уровень анализа, когда обобщения не приобретают ха-

актер выводов, экстраполируемых на весь пласт национальной культуры с выделением значимых, базовых для данной культуры оснований и специфики их проявления в каждой из исследуемых типов текста (и соответствующих им областей культуры), однако за пестрой палитрой текстового ряда выстраивается характерная для данной культуры специфика самореализации в политике, искусстве и на военной службе. Что касается книги «Англичане и русские. Язык, культура, коммуникация», то там автор, изучая русско- и англо-специфичные стили коммуникации, видит за ними определяющую их особенность культуру, вычленив культурные ценности, формирующие этот или другой способ общения. Так, за способом общения русских стоит коллективистская ментальность, акцент ставится на содержание высказывания, а не на его форму, стиль общения прямолинейный, и даже за императивными высказываниями стоят проявление солидарности, желание помочь. В то же время за английскими коммуникативными стратегиями стоит индивидуалистическая ментальность, акцент на свободе и независимости личности – и собственной, и собеседника, что порождает в коммуникации стиль дистантности, категоричности суждений, косвенности в высказываниях.

Сравнивая работы авторов двух представленных направлений: исследования оснований культуры через концептосферу и анализ дискурсивных практик, можно выделить в них как общее, так и особенное. Общим является то, что в обоих случаях (через анализ концептосферы, текстов или дискурса) отсутствует методология выявления иерархии базовых оснований исследуемой культуры: остается вопросом, что является ее держащими китами, а что – не столь значимо и легко изменяется со временем.

Что касается различий указанных направлений анализа, то подход к культуре через исследование ее текстов и дискурса предстает как более способствующий выделению глубинной структуры как основы, задающей параметры проявления культуры в разных областях ее бытия. И этот вывод не представляется субъективным, связанным именно с данными авторами – сам текстово-дискурсивный подход задает нацеленность на поиск общих, объединяющих начал, скрепляющих оснований, делающих текст – текстом, а не набором предложений, в то время как концепты – изначально атомарные образования.